

КАВЫЧКИ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ. (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.С.ЛЕСКОВА)

Уктам Джаббарович Эсанов

доцент кафедры Узбекского, русского и иностранных языков Ташкентского филиала Самаркандского государственного университета ветеринарной медицины, животноводства и биотехнологий

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются стилистические функции кавычек, которые служат графическим средством концентрации внимания читателя на слове в художественных текстах известного русского писателя Н.С.Лескова. Кавычками принято называть парный знак препинания, которым выделяются отдельные части текста на письме, осуществляется ограничение от текста чего-то чужого – необычного, инородных вкраплений.

Ключевые слова: кавычки, концентрация внимания, парный знак, художественный текст, функция, знак препинания, слово, читатель.

Annotation. This article discusses the stylistic functions of quotation marks, which serve as a graphical means of concentrating the reader's attention on the word in the literary texts of the famous Russian writer N.S. Leskov. Quotation marks are usually called paired punctuation marks, which highlight individual parts of the text on the letter, the restriction is carried out from the text of something alien - unusual, foreign inclusions.

Keywords: quotation marks, concentration of attention, paired sign, artistic text, function, punctuation mark, word, reader.

ВВЕДЕНИЕ. Кавычки служат графическим средством концентрации внимания читателя на слове. «Кавычками принято называть парный знак препинания, которым выделяются отдельные части текста на письме, осуществляется ограничение от текста чего-то чужого – необычного, инородных вкраплений» [1. С. 52]. Б.С.Дыханова, обращая внимание на проблему употребления Н.С.Лесковым кавычек, в одной из своих работ пишет, что «стилистическое применение кавычек ... всегда обусловлено смысловыми связями» [2. С. 74-82].

Традиционное употребление кавычек можно рассмотреть, в частности, на примере слова **службист**, использованного в произведениях Н.С.Лескова:

«Очень молодым человеком, почти мальчиком, и начал мою службу в Киеве, под начальством Алексея Кирилловича Ключарева, который впоследствии служил директором департамента государственного казначейства и был известен как «**службист**» и «чиновник с головы до пяток». Его боялись в Житомире, боялись в Киеве и только перестали бояться в Петербурге, где этот суровый и сухой формалист почувствовал, что он тут не к масти козырь, и вскоре по удалении от дел скончался» (Владычный суд, 2 – 6, 89)¹.

В примере из произведения «Человек на часах» слово **службист** также дано в речи автора в кавычках и с развернутой характеристикой самого **службиста**: «Подполковник Свинын не имел той жалостливости и того мягкосердечия, которые всегда отличали Николая Ивановича Миллера: Свинын был человек не бессердечный, но прежде всего и больше всего «**службист**» (тип, о котором нынче опять вспоминают с сожалением). Свинын отличался строгостью и даже любил щеголять требовательностью дисциплины. Он не имел вкуса к злу и никому не искал причинить напрасное страдание; но если человек нарушал какую бы, то ни было обязанность службы, то Свинын был неумолим. Он считал неуместным входить в обсуждение побуждений, какие руководили в данном случае движением виновного, а держался того правила, что на службе всякая вина виновата. А потому в караульной роте все знали, что придется претерпеть рядовому Постникову за оставление своего поста, то он и оттерпит, и Свинын об этом скорбеть не станет» (Человек на часах, 7 – 8, 160).

Впервые Н.С.Лесков употребил слово **службист** в романе «Соборяне» (1872) в прямой речи персонажа, никак его не выделив: «К Кесарю Степановичу был вхож и почему-то пользовался его расположением местный квартальный, которого, помнится, как будто звали Дионисий Иванович или Иван Дионисович. Он был полухохол-полуполяк, а по религии «из тунейдского исповедания». Это был человек пожилой и очень неопрятный, а подчас и зашибавшийся хмелем, но **службист**, законовед и разного мастерства художник. Притом, как человек, получивший воспитание в каких-то иезуитских школах, он знал отлично по-

¹ Здесь и далее ссылки даны следующим образом: контекст берется из «Собрания сочинений» в 11 томах (М.: Художественная литература, 1956-1958), то сначала дается название произведения с указанием его частей (книг) и глав, а после тире указывается номер тома (арабскими цифрами) и страница издания (название, часть, глава – том, страница). Полу жирные выделения рассматриваемых слов в текстах – наши У.Э.

латыни и говорил на этом языке с каким-то престарелым униатским попом, который проживал где-то на Рыбальской улице за лужею» (Печерские антики, 17 – 7, 162).

Обращает на себя внимание то, что в двух первых ранее приведенных примерах Н.С.Лесков слово **службист** выделяет кавычками. Но остается непонятным, почему он в «Печерских антиках», написанных в 1883 году (до «Владычного суда»), данное слово никак не выделяет в своей иронической авторской речи, как будто перерастающей в сказовую форму стилизованного рассказчика

При этом следует добавить, что слово **службист** услышано Н.С.Лесковым не только в военной среде, но и в чиновничьей, на что указывает цитата из «Владычного суда» Во всяком случае, оно связано с социальными диалектами русского прошлого и пришло в литературный язык из военно-чиновничьей среды.

Любопытно, что Н.С.Лесков в особых случаях кавычками выделял и переносные значения слов и выражений. Например, при воспроизведении речи рассказчика «На краю света» выражение **навострить лыжи** употребляется в обстановке, когда от героя собирается «убегать» на лыжах его проводник:

«– Что-ты, – спрашиваю, там делаешь? – и при этом неприятно открываю, как у меня спал и даже совсем переменялся мой голос, между тем мой дикарь как прежде говорил, так и теперь так же, перекусывая звуки, отрывает.

– Лыжи, бачка, достаю.

– Лыжи! Воскликнул я в ужасе, тут только во всем значении поняв, что такое значит «**навострить лыжи**». – Зачем ты лыжи достаешь?

– Сейчас убегу.

«Ах ты, разбойник», – думаю, – куда же ты это побежишь?

– На правую ручку, бачка убегу.

– Зачем же ты туда побежишь?

– Лопать тебе принесу»¹ (На краю света, 9 – 5, 499-500).

В приведенном примере разговорное выражение **навострить лыжи** в переносном значении сочетается с его прямым толкованием – **убегу** в речи собеседника. Фразеологизм **навострить лыжи** хорошо знаком всем, общеизвестное переносное значение этого сочетания слов не дано самим автором, а использовано как широко распространенное. Данное выражение звучит с долей юмора, так как рассказчик, который повествует о давно прошедших днях (и поэтому имеет возможность дать оценку), вспоминает

¹ В данном примере сохраняются только авторские выделения, т.е. кавычки.

фразеологизм **навострить лыжи** в тот момент, когда его попутчик, «дикарь», собирается бежать на лыжах, оставив героя в снежной пустыне. Подготовка к передвижению на лыжах (прямое значение слов) вызывает у рассказчика ассоциацию с ходячим фразеологическим сочетанием.

Н.С.Лесков использует также кавычки при введении, а) заглавий произведений других авторов; б) прямой речи героев; в) цитат, изречений.

Первый случай встречается в произведениях Н.С.Лескова часто: «... купил себе на ярмарке иллюстрированный экземпляр **«Парижских тайн»** и знал эту книгу как свои пять пальцев ...» (Островитяне, 21 – 3, 150); «Встречаю с некоей поры частые упоминания о книге, озаглавленной **«О сельском духовенстве»** (Соборяне, 21, 5 – 4, 70); «Припоминаю невольню давно читанную мною старую книжечку английского писателя, остроумнейшего пастора Стерна, под заглавием **«Жизнь и мнение Тристрама Шанди»** (Соборяне, 1, 5 – 4, 80) «... отец Захария в **«Домашней беседе»** читал ...» (Соборяне, I, 14 – 4, 113) и т.д.

Оформление высказываний персонажей в виде прямой речи встречается в произведениях Н.С.Лескова редко, в основном, преобладает абзацное оформление диалогов. Но если действующее лицо передает чужую речь, то писатель использует выделение собственно прямой речи кавычками. Здесь следует отметить, что независимо от того, кому принадлежат выделенные слова, они являются авторскими, вложенными в уста персонажа. Так, в «Захудалом роде» находим слова губернатора о Червеве, пересказанные Рогожиным:

«– Да. Говорил: **«Но ведь вы властям не сопротивляетесь?»** Червев говорит: **«Нет, – не сопротивляюсь».**

«Вам нечем».

«Да, – говорит, – и нечем, да я и не хочу» (Захудалый род, Старое остается – молодое растет, 16 – 5, 204).

Здесь дословно в форме прямой речи передается целый диалог других лиц. Когда персонаж употребляет в своей речи одно-два слова, выражение, сказанное другим лицом, то такие случаи Н.С.Лесков также выделяет кавычками. Причиной для выделения служит не столько сам факт принадлежности слова или выражения другому лицу, не тому, кто доводит его до читателя в тексте (то есть «кусочек» прямой речи, эпизод, отрывок, цитата), сколько указание на нехарактерность этого слова для говорящего по разным причинам (социальное происхождение, уровень образования, среда употребления слова и т.д.). На первом плане у Н.С.Лескова стоит не дань правилу (выделить элемент цитаты или прямой речи), а стремление показать своих героев через язык, обратить внимание на слово как на характеристику человека, дать понять читателю, что

герои говорят по-разному, значит, по-разному думают, воспринимают окружающий мир, чувствуют по-разному.

Обратимся к выражениям или отдельным цитатным словам, взятым в кавычки. Здесь встречаются следующие случаи. Сам автор использует в повествовании «чужие словечки», выражения, высказывания. Они могут принадлежать как конкретному лицу, так и коллективному автору. Далее Н.С.Лесков пишет: «Регент же архиерейского хора ... звал его **«непомерным»** (Соборяне. 1, 1 – 4, 7).

В этом примере имеет место краткая передача фрагмента чужой речи. Самую вескую из характеристик дьякону Ахилле дал сам архиерей: «По этому определению дьякон Ахилла назывался **«уязвленным»** (Соборяне, I, 1 – 4, 7).

Как видим, Н.С.Лесков при передаче фрагментов чужой речи выделяет их кавычками.

Во всех приведенных примерах Н.С.Лесков указывает на источник, ссылается на человека, которому принадлежит высказывание:

– Ну, а теперь, православные, расходитесь, а то, спаси бог, ежели начальство **осмелеет**, оно сейчас стрелять велит.

Начальство действительно **«осмелело»**, выползло и приступило к распорядкам (Соборяне, 5, 17-18 – 4, 313-314).

Посредством использования кавычек здесь, с одной стороны, отмечается принадлежность слова **осмелело** Ахилле, а с другой стороны, – ироническая окраска данного слова. Н.С.Лесков слово Ахиллы **осмелело** раскрывает по-своему: **не стрелять велело, а приступило к распорядкам**. К тому же автор, используя разговорное, иронически окрашенное слово **выползло**, еще раз подчеркивает «смелость» начальников, которые «шарахнулись во внутренние покои и заперлись на замок». Таким образом, Н.С.Лесков, употребляя в авторской речи чужое слово, в данном случае насыщает его своей иронией, что сообщает ему иной, едва ли не противоположный смысл.

Автором цитируемого текста может быть и не конкретное лицо, а коллектив, группа людей или весь народ. В «Соборянах» есть такой пример: «До отвала наголодавшимся нельзя давать есть; эти, как их называют, **«жадники»** объедаются... и мрут от обжорства» (Соборяне, 5, 13 – 4, 305).

Кто конкретно так называет голодающих, не сказано, но понятно, что это название появилось в определенное время и при определенных обстоятельствах (во время голода в деревне), известно узкому кругу людей и употребляется ими сравнительно редко. В незавершенном академическом «Словаре русского языка» слово **жадник** отмечено с единственной цитатой из «Соборян» Н.С.Лескова и

толкуется следующим образом: «Тот, кто с жадностью набрасывается на пищу» [3. Стлб. 181].

Бесспорно, что Н.С.Лесков не мог дать такого прозвища голодным беднякам. Насмешка и улыбка в такой ситуации неуместна. Описывая смерть двух братьев от переедания после голода, неоднократно называя их **жадниками**, он подчеркивает только мрачный и жестокий смысл этого слова, жестокость жизненных условий и свое негативное к ним отношение.

Н.С.Лесков, с его обостренным интересом к национальной культуре и тончайшим ощущением всех оттенков народной жизни, не может не пользоваться богатейшей кладовой народной мудрости и народного опыта – прибаутками, пословицами, анекдотами, короткими сказами, меткими и острыми словечками, поговорками. Выделяя такие выражения и слова, заостряя на них внимание, одновременно отделяя их от своего авторского слова, органически сращивая с ним свой язык, писатель создает целый пласт в языке своих произведений – народный язык.

Еще одна группа закавыченных примеров встречается в случае использования Н.С.Лесковым «чужих слов», но уже без ссылки на их автора. Сюда относятся пословицы, поговорки, крылатые слова, т. е. то, что является всеобщим достоянием, на что никто не может предъявить своих авторских прав: «Это был **сон в руку**»: дьякон и Варнава готовились к большому сражению» (Соборяне, 1, 8 – 4, 97); «Мерный рокот ручья и прохлада повеяли здоровым **русским духом**» на опаленную зноем голову Туберозова» (Соборяне, 3, 17 – 4, 223); «А Повердовня сидит как божок и чувствует, что он – **душа общества**» ...» (Соборяне, 4, 8 – 4, 255) и т.п.

Один из героев может использовать в своей речи слова другого персонажа. Причем эти слова могут вызывать у него негативное отношение, осуждение или похвалу, удивление, иронию, злость, т.е. множество тонких оттенков человеческих эмоций. Свое отношение к такому «заимствованию» персонаж передает интонацией, хотя читатель может и не услышать ее. Во избежание этого Н.С.Лесков посредством различных методов старается «озвучить» написанное слово в нужном ему понимании.

Во-первых, здесь большую роль играет использование автором кавычек – это уже фиксирует внимание читателя. Если же слово не было бы выделено таким способом, вряд ли каждый раз читатель мог уловить разницу в интонации автора или персонажа.

Во-вторых, сам контекст, смысл всего высказывания помогает определить отношение говорящего к используемой цитате. Особенно ярко проявляется это в

тех случаях, когда слова произносятся впервые в данном разговоре, сцене эпизода, т.е. они воспринимаются читателем очень четко и откладываются в его памяти. Если эти слова были заимствованы, то соотношение их смысла в первом и во втором употреблении осложнялось еще больше. В таких случаях Н.С.Лесков использует вводные предложения и словосочетания типа «по словам...», «как говорил», «выражаясь словами...» и т. д.

В следующем примере наблюдается подхватывание слова из предшествующей реплики одного персонажа другим. Или: «— Воздержусь от противоречия вам, а только в обществе об этом думают иначе.

– **«В обществе»!** Нашли на кого ссылаться! Что оно знает и чего ни болтает, это так называемое наше общество» (Русское тайнобрачие, 3 – 6, 594).

Здесь в кавычки взяты подхваченные слова. Отец протоиерей употребляет только что произнесенные слова рассказчика. Восклицательная интонация и дальнейшие слова священника говорят о его отношении к этому обществу. Зная общество досконально, протоиерей не доверяет ему, не ценит его мнений. Поэтому и звучат эти слова совсем иначе, чем у рассказчика.

Итак, почти во всех случаях цитирование влечет за собой оценочно выраженное интонационное изменение в произношении слова либо выражения.

Н.С.Лесков выделяет ещё одну группу слов – городской лексикон или слова книжного характера, произносимые служителями церкви. В «Соборьях» таких примеров немало: «... отец протопоп ... потом о губернаторе, которого осуждал за неуважение ко владыке и за постройку водопроводов, или, как отец протопоп выражался, **«акведуков»**.

– Акведуки эти, – говорил отец протопоп, – будут ни к чему, потому город малый, и притом тремя реками пересекается ...» (Соборяне, 1.2 – 4, 16); «Помещик Плодомасов вернулся из столицы и привез и мне (протоиерею Савелию Туберозову – У.Э.) ... небольшую стеклянную лампочку с горящей жидкостью **«керосин»**, или горное масло, что добывается из нефти» (Соборяне, 1, 5 – 4, 80);

«Лекарь опять расхохотался, а дьякон побледнел и сказал:

– Послушай, отец лекарь, ты шути, шути, только пропорцию знай: ты помни, что я духовная особа!

– Ну да ладно! Ты скажи хоть, где у тебя **астрагелюс?**

Незнакомое слово **«астрагелюс»** произвело на дьякона необычное

впечатление: ему почудилось что-то чрезвычайно обидное в этом

латинском названии **щиколотки...**» (Соборяне, 1, 7 – 4, 92-93).

К малоизвестному слову **астрогелюс** в этом же предложении приводится его русский эквивалент **щиколотка**. Тем самым здесь дается пояснение незнакому читателю латинского слова **астрогелюс**. Сцена встречи Ахиллы, вернувшегося из столицы, и отца Савелия насыщена такими словами.

Проведенный анализ показал, что один из знатоков русского языка Н.С.Лесков, используя кавычки в текстах своих художественных произведений, внес большой вклад развитию стилистической окрашенности и семантическому смыслу русского слова.

Использованная литература и источники:

1. Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система её функционирования. – М.: Наука, 1988. – 190 с.
2. Дыханова Б.С. Об одной особенности стиля романа хроники Н.С. Лескова «Соборяне» // Проблемы эстетического анализа литературных произведений. Известия ВГПИ. – Воронеж, 1974. – Т. 142. – С. 74-81.
3. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. – СПб., 1897. – Т. 2. – Вып.1.